

Моисей Вассергольц

Ида Вассергольц

РАССКАЖИ

МНЕ...

Ида Вассергольц Моисей Абрамович Вассергольц Расскажи мне...

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10941965*

Аннотация

Когда папу арестовали, мне было 12 лет. Когда он вернулся в семью, мне исполнилось 25. Он долго был для меня чужим и незнакомым человеком. Прошло немало времени, чтобы мы опять стали близкими и стали рассказывать друг друга о событиях из своей жизни. Однажды папа сказал, что мечтает исполнить свое обещание друзьям – рассказать правду о «деле Ройфмана». Я дала ему тетрадь, ручку и сказала: «Пиши! Расскажи все, что помнишь. Я даю тебе слово, что сумею опубликовать твои воспоминания». Время пришло. Я ничего не изменила в рукописи папы, но добавила некоторые комментарии (ремарки) к происходившим событиям, статью Ирины Круглянской из газеты «Известия» (№ 28 от 13 февраля 1993 года) и информацию из Интернета, которая может объяснить, как хотел закончить свою рукопись папа.

Содержание

Эпизод 1	4
Ремарка 1	13
Эпизод 2	27
Эпизод 3	30
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Моисей Абрамович Вассергольц, Ида Вассергольц Расскажи мне...

Эпизод 1

Родился мой папа в городе Гарволине (60 км от Варшавы) в 1898 году в семье краснодеревщика. Был он седьмым сыном и предпоследним.

Дедушку – папиного отца я видел только на портрете. Это был благообразный еврей с большой седой бородой и в ермолке. От вечной нужды, по словам папы, он был злой и, хотя брался обучать своему ремеслу по очереди всех своих сыновей, ни один не пошел по его стопам.

Бабушку я не видел даже на фотографии, но в папиных воспоминаниях, это была маленькая женщина, очень добрая, вечно в хлопотах, чтобы прокормить и одеть своих детей.

Каждый из папиных братьев, когда достигал 13–14 лет, уходил из дома, чтобы начать самостоятельную жизнь. Из-за вечной бедности детей не отдавали учиться, и мой папа ходил только два года в хейдер при синагоге.

Хейдер – это еврейская школа, где мальчиков обучали молитвам, но и читать и писать по-еврейски папа немножко научился.

Когда ему исполнилось 13 лет, что по еврейским обычаям соответствует совершеннолетию, он, как и его старшие братья, уехал из дома и пересек просторы государства Российского, чтобы добраться до центра еврейской оседлости – города Киева.

Киев в Российской империи был, как-бы, столицей евреев, так как в центральные города им въезд был запрещен.

В Киеве папа поступил учеником портного в мастерскую

к богатому еврею.

Через два года он выписал к себе младшего брата (дядю Яшу), и это единственный папин родственник, которого я знал.

Сначала началась первая мировая война, потом революция, Польша отделилась от России, и все папины родные остались за границей. Он больше их не видел и не переписывался. И остался он вдвоем с младшим братом.

Моя мама родилась в 1900 году в местечке Хойники, в семье полу крестьянина, полу ремесленника. По законам Российской империи евреи не имели права владеть землей, и, поэтому в сельской местности, занимались извозом и ремеслами. Вот в такой семье и родилась мама. У нее было два брата и сестра Хана.

О маминых родителях я не знаю ничего, и даже фотографий не видел.

Мамина семья, по еврейским меркам, была маленькая – всего четверо детей. Их соседка имела 16 детей и, чтобы не тратить силы и время на перечисление их имен, обычно созывала их домой громким криком: «Эй, вы все, кого я родила!».

Уйти из родных мест девушке-подростку было трудно, но прокормиться в местечке было еще труднее.

В 14 лет мама поехала в г. Киев, где поступила ученицей портного в мастерскую, где уже работал папа. Там они познакомились, полюбили друг друга и поженились в 1916 году.

Сколько смогу помнить, ни разу не слышал я, чтобы папа с мамой ругались. Несмотря на то, что мама была совсем неграмотная, а папа малограмотный, они жили очень дружно и, как я теперь понимаю, нежно любили друг друга и детей.

Ремарка 1

Моего деда – папиного отца звали Абрам Вигдорович Вассергольц, а бабушку – Берта Моисеевна Куравская, хотя потом я узнала, что, по-настоящему, ее надо было бы звать Бася-Лоим, дочь Моше. На фото, которое мой дедушка подарил бабушке 12 июня 1916 года (перед свадьбой), он написал: «Дарю тому, кого люблю. На долгую добрую память Берте Куравской от Вашего друга Абрама Вассергольца».

Когда в России начались «беспорядки», мама и папа стали собирать деньги, чтобы выехать за границу. Но, в один «прекрасный день» все их деньги стали ничем и им пришлось остаться.

К февралю 1917 г. рубль на внутреннем рынке обесценился почти в 4 раза.

В 1924 году родители с моими сестрами – Аней и Любой (6 и 4 лет) решили переехать в Москву, где у них были знакомые.

Они купили квартиру в Марьиной роще.

Так как мама приехала в Москву беременной, то вскоре родился и я.

Родился я дома: в доме 105 по Александровской, а ныне

Октябрьской улице, в кв. 4, где проживала моя семья и семья Слуцких.

До сих пор я не знаю дня своего рождения. Мама говорила, что я родился в 1924 году 31 августа, т. е. накануне учебного года, но метрику получили через семь месяцев и, чтобы избежать штрафа, записали меня неправильно. Когда я подрос и стал выяснять этот вопрос, то так ничего и не добился. И, хотя в семье отмечали мой день рождения 31 августа, я склонен думать, что фактически родился 30 января 1925 года, как и записано в метрике.

Папа очень хотел иметь сына, и мое рождение его очень обрадовало, но родился я, видно, не в добрый час. О первых годах своей жизни у меня остались смутные воспоминания. Но, начиная с семи лет, кое-что в моей памяти сохранилось.

Чтобы понять, откуда складывался мой характер, нужно знать Марьину рощу того времени, т. е. тридцатых годов. Сколько разных рассказов ходило про Марьину рощу, и даже в 1940 году ни такси, ни извозчик далее Марьинского универмага вечером не ехали. Я же вырос в Марьиной роще и очень ее любил.

Центральная улица Марьиной рощи – это Шереметьевская, которая пересекает ее из конца в конец. Параллельно ей с одной стороны шла Октябрьская улица, а с другой – 1, 2, 3 и 4 Марьинорощинские улицы. Перпендикулярно этим улицам шли проезды от 1-го до 14-го.

На углу Октябрьской улицы и 6-го проезда и стоял наш дом.

Марьиная роща была застроена, в основном, деревянными домами в один-два этажа. Каждый дом имел со стороны улицы садик, а сзади – двор, застроенный сараями.

Точно посередине Марьиная роща разделялась железной дорогой, проходившей по дну глубокой выемки, и поэтому жителей, живших по одну сторону, называли городскими, а других – залининскими.

Я принадлежал к городским.

Населяли Марьину рощу, в основном, ремесленники.

Кто там только не жил! Были там портные, сапожники, скорняки, печники, плотники, столяры, бондари, медники,

лудильщики, пекари, колбасники, извозчики и еще сотня разных профессий. Еще перед Великой отечественной войной в Марьиной роще были частные пекарня, колбасная и парикмахерская.

В каждом доме жило много семей, поэтому каждый дом походил на улей. У нас был «большой» – двухэтажный деревянный дом, и в нем было восемь квартир.

Сейчас я точно не помню, но в первой квартире жило семь семей; во второй – три; в нашей – четвертой, как я уже говорил, – две; в пятой – тоже две; в восьмой – четыре.

Мы жили на первом этаже, и окна, выходящие во двор, были на полметра от земли.

У наших жильцов – Слуцких было двое сыновей, и поэтому, когда я пошел в школу, квартиру разделили. У нас получилась отдельная квартира за номером 4, а у Слуцких – 4а.

Папа с мамой работали портными в мастерской, которая находилась в шестом проезде по Шереметьевской улице. Но заработка, чтобы прокормить семью им не хватало, и они брали еще работу на дом. Это обстоятельство сыграло с нашей семьей нехорошую шутку.

В начале тридцатых годов была карточная система, а моих родителей, из-за того, что они работали на дому, отнесли в разряд лишенцев и не дали карточек.

Мне было лет семь, но я хорошо запомнил то время. Чтобы прокормить нас – детей мама с папой продали все из дома, а потом мама отнесла в Торгсин свои золотые сережки – свадебный подарок папы и обручальное кольцо.

Торгсин – это торговая организация, где за сданные золотые вещи можно было на выданные бонны купить любые

продукты.

Я запомнил это время, потому что не только я, но и другие ребята нашего двора не отходили от своих мам в ожидании, когда их накормят. Видно от постоянного недоедания я плохо рос, и, когда папа в 1932 году отвел меня в школу, был самым маленьким в своем классе.

Из-за вечного недоедания я был не только маленьким, но и очень слабым, а в Марьиной роще это – беда, так как меня постоянно били и обижали. К счастью это продолжалось всего года три.

Летом в Марьиной роще благодать. Можно бегать и играть целый день на улице в одних трусиках. Покупных игрушек у нас в ту пору почти не было, но игр и так хватало. Мы играли и в прятки, и в салочки, и в чижику, и в фантики, но самая интересная была игра в войну.

Своими силами, кто как умел, мы изготавливали сабли, ружья, пистолеты, луки, стрелы и играли в войну до самозабвения. Частенько, во время игры получали шишки, синяки, не говоря о царапинах и ссадинах. В особенности доставалось мне, как слабосильному. Так что очень часто я приходил домой не только в рваных трусах, но и в крови. В таких случаях мама жаловалась папе, говоря: «Посмотри, в каком виде твой сын!» Папа же всегда отвечал, что все в полном порядке, а вот, когда мой сын придет с улицы чистым, то срочно

нужно будет позвать врача.

Были у нас и другие игрушки.

Когда удавалось выпросить у мамы бутылку, то ее можно было выменять на игрушки у китайцев, живших в пятом проезде. Это были уди-уди, бумажный веер или даже оловянный наган. Владелец оловянного нагана считался богачем.

Летом мы запускали на пустыре змеев и «монахов», во время дождя делали запруды и самодельные корабли.

Иногда, сестры брали меня на прогулку в выемку, где проходила железная дорога, и там мы собирали цветы, ловили бабочек. Так что летом было очень хорошо.

Но вот наступали холода, и выпадал снег.

Территорию улицы около дома убирали жильцы, для чего она была разбита на участки. И вот рано утром после снегопада, пока снег не утоптали, надо было его сгрести в кучи, а потом вывезти во двор.

Для вывозки снега в ход пускалось все: и санки, и корыта, и даже ведра.

В снежные зимы во дворах скапливалось столько снега, что старшие ребята строили целые дома и замки, а некоторые умельцы проводили туда даже электричество.

Вечерами все ребяташки собирались в какой-нибудь квартире на кухне. В каждой квартире кухни были большие, с русской печкой, так что было тепло и вместительно. Там старшие девочки, которые уже ходили в школу, читали нам сказки и учили читать и писать. Для этого у каждого из нас

была фанерка, покрытая черной краской и белый грифель или кусочек мела. И хотя было бедно, но, все равно, вспоминается детство, как самое лучшее время.

Мне шел уже десятый год, когда родители смогли меня послать на весь летний сезон в пионерлагерь. После трехмесячного отдыха даже родители меня не узнали, так я поправился и подрос. Да и в нашей семье стало немного легче с едой, а аппетитом я не страдал и после обеда мог скушать еще тарелку пшенной каши с хлебом. Вот в эту осень и произошло мое первое «крещение».

Прямо напротив нашего дома находился завод МЗОЦМ (Московский завод обработки цветных металлов), а рядом с ним построили большой, в два этажа деревянный клуб.

Недавно я там проезжал и видел здание этого клуба: рядом с новыми домами он выглядит, как развалившийся сарай, но в то время он нас восхищал.

На втором этаже этого клуба показывали кино и, конечно, все ребята старались на него попасть.

Вход в клуб был из короткого коридора, в котором было несколько ступенек. Перед входом узкий тротуар, мостик через канаву с водой и мостовая.

Вот ребята при выходе из кино и устраивали такой порядок: они становились по обе стороны коридора и, когда выходил пацан, начинали толкать его от стенки к стенке, пока

он не вылетал на улицу.

Еще хорошо, если падал на мостик или тротуар, а если в канаву с водой, то начинался всеобщий хохот, так как все остальные останавливались смотреть на эту забаву.

В свое время я не раз попадал в эту переделку, если не удавалось проскочить за спинами взрослых. В особенности доводил меня один мальчишка – Фима Киксман. У него было еще два брата, да и он был старше и сильнее меня.

Вот и в этот раз, приехав из пионерлагеря, я пошел в клуб смотреть кино. При выходе повторилась старая история, но с другим окончанием.

Когда меня толкнули, я налетел на Фимку Киксмана, но он не успел меня оттолкнуть. Я схватил его и еще одного пацана и, вылетев на улицу, обоих бросил в канаву.

Смеялась вся Марьиная роща, а со мной стали более осторожны – я завоевал «авторитет».

Рассказал я об этом случае так подробно, потому что после этого случая меня уже не обижали и приняли в свою артель, как равноправного, все ребята.

С года 1935 наша семья стала жить нормально.

Я помню, как сейчас, когда мама с папой сделали ремонт и купили новую мебель.

Мои сестры были уже большими, а Аня считалась даже невестой.

Начиная с этого времени, мама стала покупать мне много

игрушек, чтобы я меньше бывал на улице, так как, завоевав авторитет, я стал верховодить среди мальчишек и готов был пропадать на улице целыми днями.

В школе я учился очень хорошо, так как, обладая прекрасной памятью, почти не нуждался в домашних занятиях, да и сестры здорово помогали.

Память и способность рассказать прочитанное развились у меня благодаря библиотекарше, работающей при нашем клубе.

Когда я пошел в школу и научился читать, сестра Люба отвела и записала меня в библиотеку.

В это время папа работал в мастерской по пошиву кожаных пальто и костюмов для высшего комсостава, находившейся на Гоголевском бульваре. Но работал папа на дому, а мама ему помогала, так что заказчики приезжали к нам на примерку, и это сыграло свою роль и в моей жизни.

Один из заказчиков помог папе купить мне велосипед. В то время велосипед был «дороже» Жигулей, и я был на «седьмом небе» от счастья (все мальчишки завидовали мне) и только друзьям я давал кататься на нем.

На коньках я научился кататься рано.

Все мальчишки, когда наступала зима, привязывали веревками к валенкам или ботинкам коньки и гонялись по улицам.

Чтобы отучить меня от улицы, купили мне ботинки с

коньками (гаги) и абонемент на каток в центральном парке Красной армии, находящемся на Екатерининской площади (ныне площадь Коммуны). Так что сразу после школы я переодевался, брал коньки и шел на каток, не пропуская ни одного дня.

Занятия спортом (летом – велосипед, зимой – коньки), хорошее питание быстро сделали свое дело – я очень сильно подрос и, главное, окреп.

В 1936 году моя старшая сестра Аня вышла замуж за брата нашего соседа – Матвея Слуцкого, и папа купил им комнату в Большом Кондратьевском переулке (около м. «Белорусская»). А 16 апреля 1937 года в возрасте 12 лет я стал дядей, так как Аня родила Фирочку.

К сожалению, память не совершенна, и что было в свое время очень важным и значительным – забылось. Но очень хорошо я помню, как будучи маленьким, мы с мамой ездили с ней несколько раз к ней на родину – в Хойники.

Мы ехали до Гомеля, а там была пересадка на местный поезд.

В Хойниках жили мамина сестра Хана и брат Лева со своими семьями. К сожалению, я забыл даже имена своих двоюродных сестер и братьев.

В Хойниках не только дети евреев, которых было очень много, но и дети белорусов, говорили на белорусском и ев-

рейском языках. Вот там я и научился понимать и говорить (немножко) по-еврейски.

Средний, любимый мамин брат погиб во время гражданской войны, и меня называли его именем – Моше-Вейвл, так как его звали Володя.

Дядя Лева погиб во время Великой отечественной войны, а тетя Хана умерла.

Эпизод 2

ИТК – 400/2 г. Тула

24 мая 1964 года вместе с другими меня из Тульского изолятора (тюрьмы) привезли в «воронке» (машина для перевозки заключенных) в ИТК-400/2 (Исправительная трудовая колония). До конца срока наказания мне оставалось 10 лет 4 месяца и 1 день.

Я не знаю, кто первый лишил человека свободы, но думаю, что это было в доисторические времена. И удивительно, что в конце 20 века это положение осталось. Говорят, что пока есть преступники, останутся и тюрьмы. Я же попробую доказать обратное – пока есть тюрьмы, будут преступники. Но вернусь к 24 мая 1964 года.

Из тульской тюрьмы в ИТК 400/2 нас в количестве 22 голов (не человек, а именно голов: так там – в ИТК считают заключенных) привезли и поместили на КПП (контрольно-пропускной пункт).

Там с нашими личными делами ознакомились начальник спецчасти и зам. начальника колонии по оперативно-режимной работе, после чего двух заключенных отправили обратно в Тульский изолятор, как теперь называется тюрьма.

Там же, на КПП, мы прослушали первую лекцию о том,

кто мы и как должны себя вести.

Привезли нас в ИТК часов в 9 утра в «вольной» одежде, а без малого в 12 часов с нарядчиком перевели в жилую зону для регистрации.

Мы, как стадо баранов, стояли в узком коридоре с тремя дверьми, одна из которых вела в нарядную, другая – в спальню, а третья – в туалет.

Когда мы так стояли, начался обеденный перерыв, и на нас налетела толпа в одинаковых черных спецовках с шапочками, как у немцев. Я не знаю, как другие (потом я выяснил, что все реагировали одинаково), но сам я не мог отличить одного от другого и стоял с мешком, прислонившись к стене.

И вдруг двоих, пришедших со мной, стали бить, бить зверски, как может бить только толпа. Мы стояли оцепеневшие, ожидая своей очереди. Когда драку остановили, эти двое были все в крови и синяках. Это было мое первое знакомство с колонией, но день еще не кончился.

После того, как нас записали и распределили по отрядам, повели обедать, а потом в кладовую, где мы переоделись в «форму».

Я попал во 2-ой отряд, и меня отвели в жилую секцию, где указали койку на 2-ом «этаже».

В то время в колонии не хватало заключенных, и нас всех – вновь прибывших вывели на работу во вторую смену для зарядки ремней.

Верстаки для сборки транспортерных лент стояли во дво-

ре производственной зоны. Ремни для этих лент, которые мы должны были заряжать, т. е. вставлять заклепки, представляли собой прорезиненные ленты длиной 9,5 метра. В дальнейшем, на эти ленты клалось брезентовое полотно и деревянные рейки – так получалась транспортная лента для комбайна.

Часов в 9-10 вечера, когда стемнело, ко мне подошел один парень и сказал, чтобы завтра я отдал ему макинтош, сапоги и костюм, в котором привезли меня в ИТК, а иначе мне будет плохо.

Он не знал одного, что мне было уже так плохо, что хуже не бывает: я не мог себе представить, что смогу «прожить» в тех условиях более 10 лет.

В руках у меня был молоток, которым я клепал, поэтому я и ответил ему, что, если он сейчас же не уберется, проломлю ему голову, а там пусть будет, что будет. Как ни странно, но это подействовало, хотя сказано это было скорее от отчаяния.

Чувствовал я себя в то время, как говорят, хуже не бывает. Уже год и восемь месяцев я находился в заключении, и какое это было время, и как оно пережито знал только я сам и удивлялся только одному – почему я в здравом уме.

Эпизод 3

Все началось 25 сентября 1962 года.

Рано утром Поля (жена) ушла на работу, а я с детьми – Идочкой и Витенькой хотел позавтракать и, проводив их в школу, идти на работу.

Я был в туалете, когда раздался звонок в дверь, и подумал, что вернулась Поля. Но, выйдя из туалета, увидел, что это посторонние люди.

Меня сразу схватили и, проведя на кухню, обыскали, предъявив ордер на обыск.

Один из них с сыном пошел за женой (она работала напротив дома), а мне предложили одеться.

Как только Поля зашла в комнату, меня вывели во двор и посадили в стоявшую там черную «волгу» на заднее сидение между двумя мужчинами.

Машина поехала к Савеловскому вокзалу, к магазину, в котором я работал.

Подъехав к магазину, мы зашли в него, т. е. я и трое приехавших со мной, шофер остался в машине.

Там меня еще раз обыскали и, забрав ключи и пломбир, посадили обратно в машину.

Развернувшись, машина поехала к центру. Через улицы Сретенку и Дзержинскую машина, со стороны последней, подъехала к подъезду дома, выходящему фасадом на пло-

щадь Дзержинского.

Меня ввели в подъезд и на первом этаже поместили в бокс.

Бокс – это шкаф высотой метра два и шириной 0,5 метра. Глубина этого шкафа, так же как и ширина, – сантиметров 50; напротив двери приделана доска для сиденья, а наверху двери – отверстия для воздуха. Несмотря на то, что в боксе есть для сидения доска, сидеть там можно только условно. Если всей спиной прижаться к задней стенке, а ноги развести в стороны и ступни поставить параллельно двери, то упершись коленями в дверь, можно присесть.

Сейчас часто говорят о стрессе, тогда я этого слова не знал. Но, видимо, я был именно в стрессовом состоянии, поэтому, несмотря на то, что прошло столько лет, все запомнил.

К «счастью» меня не долго держали в боксе и вскоре провели из него на третий этаж в большой кабинет.

В кабинете усадили меня за маленький столик, стоявший в углу, а за большим письменным столом, который стоял напротив, сидел человек в штатском.

Часы у меня забрали, и я не мог следить за временем, но, все-таки, было еще утро.

В карманах у меня, кроме носового платка, оставили две пачки папирос, две пачки сигарет и спички. Мне разрешили курить, поставив на столик пепельницу.

Прошло много времени, за окном стало темнеть.

За это время много раз за письменным столом менялись люди, и сколько их сменилось, я не помню, но ни один не разговаривал со мной.

Они делали так: заходил один, молча подходил к столу, сидевший вставал и уходил, а вновь пришедший занимал его место. Если таким способом они хотели меня расслабить, то добились противоположного.

Когда за окном совсем стемнело, я обратился к очередному сидевшему за письменным столом с просьбой отправить меня в тюрьму, если я арестован.

Тогда он со мной заговорил, и стал уговаривать рассказать ему всю правду о моих преступлениях, но, получив от меня ответ, что я очень устал, нажал у стола кнопку и вызвал конвой. Перед тем, как меня увели, он дал мне подписать ордер на мой арест.

Не зная здания, очень тяжело ориентироваться, но, как я думаю, проведя меня по многим коридорам, подняли на четвертый этаж и завели в темную комнату без окон. Там мне велели раздеться и провели в душ. Когда я вернулся, зашел врач и спросил, на что я жалуюсь, нет ли у меня каких-то болезней. Получив ответ, что я вполне здоров, врач ушел. Надзиратель (теперь он называется контролер) дал мне трусы, майку, носки, башмаки и то, что у меня оставалось от папирос и сигарет, а взамен моей верхней одежды – хлопчатобумажные брюки и курточку. Когда я оделся, он провел меня на этом же этаже в другую дверь, ведущую во внутреннюю

тюрьму.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.